

УДК 821.161.1

Мифологема «август» в лирике акмеистов

Леонтьева Анна Юрьева, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева
(Петропавловск, Республика Казахстан)

Покатилось лето пуд гору.
Август. Тихие деньки.
Давид Самойлов

Календарная мифопоэтика акмеистов представляет значительный научный интерес. Календарь «как система счисления временных промежутков», способ освоения природы и «упорядочивающая деятельность времени в "нормально" функционирующем космосе» корреспондирует акмеистической установке на структурность картины мира: «Хранящий образ жизни предков, календарь представляется небесным образцом земного порядка» [1, т. I, с. 612]. Художественное время акмеизма – это панхронизм, репрезентированный в творческой практике и теоретических трудах поэтов. Его определение предлагает О.Э. Мандельштам в знаковом «Разговоре о Данте», где время «есть содержание истории, понимаемой как единый синхронистический акт, и обратно: содержание истории есть совместное держание времени - сотоварищами, соискателями, сооткрывателями его» [2, т. II, с. 179]. Акмеистический панхронизм включает как глобальную «мифопоэтическую концепцию времени» [1, т. II, с. 143], так и систему календарных мифологем, среди которых важное место занимают «сезонные» - «месячные», «суточные и годовые» [1, т. I, с. 613]. Месяцы характеризуются особой целостностью как «мифологизированные образы одной из единиц времени, совокупность которых составляет год», «годовое единство (годовой круг)». В контексте года «каждый месяц в отдельности» обнаруживает «определённое мифологическое значение» [1, т. II, с. 143]. Мы выбираем темой исследования мифопоэтическую семантику августа как месяца, знаменующего переход от лета к осени.

Августовская символика определяет вектор движения от лета к осени, от тепла (жары) к холоду, от цветения к увяданию и – шире – от жизни к умиранию. Такой мифопоэтический образ месяца присущ Н.С. Гумилёву: «Грустно мне, что август мокрый / Наших куней расседлал, / Занавешивает окна, / Запирает сеновал» [3, с. 169]. О приближении холодов и непогоды свидетельствует характеристика дождливой поры; на завершение предыдущего периода намекают художественные детали с семантикой окончания действия и преграды – расседланные кони как знак остановки, занавешенные окна и закрытый сеновал как пространственно-временная граница лета и осени. Окончание временного отрезка задаётся мотивом поезда и началом нового этапа: «И садятся в поезд сонный, / Смутно чувствуя покой, / Кто мечтательно влюблённый, / Кто с разбитой головой» [3, с. 170]. Мифопоэтика Н.С. Гумилёва обуславливает связь физического перемещения по железной дороге с категорией внутреннего пути, жизненного и духовного (мечты, влюблённость). Категория пути актуализирует мотив приближения

конца через упоминание травмы и предчувствия покоя. Август приобретает онтологический статус благодаря молитве лирического героя о сохранении неизменного бытийного цикла: «И к тебе, великий Боже, / Я с одной мольбой приду: / Сделай так, чтоб было то же / Здесь и в будущем году» [3, с. 170]. Поэт актуализирует сакральную природу календаря: лирическому герою представляется «его необратимость – божественной мощью, его невещественность – таинственной силой созидания и разрушения» [1, т. I, с. 612].

Стихотворение «Грустно мне, что август мокрый...», датированное осенью 1912 года [4, с. 82], можно считать одним из первых обращений акмеистов к мифологеме «август». Н.С. Гумилёв раскрывает онтологический уровень августовской переходности, пограничности и цикличности. Традицию Н.С. Гумилёва подхватывает О.Э. Мандельштам в 1915-м году [2, т. I, с. 85]: «С весёлым ржанием пасутся табуны, / И римской ржавчиной окрасилась долина; / Сухое золото классической весны / Уносит времени прозрачная стремнина». Если Н.С. Гумилёв подчёркивает семантику завершения сезона, то О.Э. Мандельштам акцентирует неизменность круговорота бытия. Для этого он прибегает к бинарной оппозиции «весна//осень»: «Топча по осени дубовые листья, / Что густо стелются пустынною тропинкой, / Я вспомню Цезаря прекрасные черты - / Сей профиль женственный с коварною горбинкой!» Панхронизму О.Э. Мандельштама присуще взаимопроникновение контрастных времён года: классическая весна в первой строфе получает осенний цветовой колорит (ржавчину и золото) и приобретает онтологическую характеристику начального этапа европейской культуры. Тема античности как колыбели цивилизации закрепляется во второй строфе введением образа Цезаря, а в третьей - контрастом природы и Рима, концентрирующего вечность культуры от мифологической эпохи до современности: «Здесь, Капитолия и Форума вдали, / Средь увядания спокойного природы, / Я слышу Августа и на краю земли / Державным яблоком катящиеся годы». Присущее О.Э. Мандельштаму метафорическое овеществление абстрактной категории движения времени подчёркивает его мышление культурно-историческими эпохами и свойственное ранней лирике поэта представление о гармоничном круговороте бытия: «Да будет в старости печаль моя светла: / Я в Риме родился, и он ко мне вернулся, / Мне осень добрая волчицею была, / И – месяц Цезаря – мне август улыбнулся». Гармония календарного и общеисторического цикла смены эпох и поколений подчёркивается пушкинской реминисценцией из стихотворения «На холмах Грузии...», эмотивными образами с позитивной коннотативной окрашенностью – это светлая печаль, возвращение Рима, добрая осень как волчица, вскарм-

ливающая Ромула и Рема, самоотжествление с мифологическими основателями Вечного города, улыбка августа.

Историко-мифологический фон стихотворения «С весёлым ржанием пасутся табуны...» актуализирует репрезентацию августа как календарной мифологеми. Введение О.Э. Мандельштамом в последний стих восьмого месяца года, названного «в честь императора Октавиана Августа» [1, т. II, с. 145], предваряется именем и портретом Цезаря Октавиана, получившего от Сената титул «Август», топомом Рима, образами античности. Следовательно, мифологема «август» органично включается поэтом в контекст эстетики акмеизма как «тоски по мировой культуре» [2, т. II, с. 725].

История в раннем творчестве О.Э. Мандельштама (1915) предстаёт в единстве вечного и переменного, статики и динамики. С одной стороны, август указывает на переход к осени, лирический герой осмысливает движение к старости и смену культурных эпох. С другой стороны, годовой цикл сохраняет постоянство и стабильность, гармонию круговорота бытия и панхронизма.

Иная картина мира раскрывается в шуточном стихотворении 1932-го года [2, т. I, с. 353]: «Спит безмятежно / Юлий Вермель. / Август. Бесснежно. / Впрочем, апрель». Ю.М. Вермель — младший современник автора, биолог и поклонник немецкой фантастической литературы. Соединяя несоединимое (август, отсутствие снега, апрель), О.Э. Мандельштам добивается абсурдного комического эффекта. Алогизм, отсутствие смысловых связей между августом, его характеристикой и апрелем указывают на разрушение культурно-исторических связей, дегуманизацию и обесмысливание эпохи. Глобальный кризис сознания подчёркивается контрастом воровского арготизма «мильтон» (милиционер) с высокой погребальной лексикой («тризна»): «В Дмитрове предок / Тризной почтён. / А напоследок - / В шляпе — мильтон». Включение августовской мифологеми в столь контрастное воссоздание истории 1915-го и 1932-го годов обусловлено тем, что «ощущение времени меняется», как отмечает О.Э. Мандельштам в письме к Л.В. Горнунгу (1923) [2, т. III, с. 383].

Ещё один семантический пласт мифологеми «август» в поэзии акмеистов связан не с воссозданием общей картины истории, а с лирическим освоением конкретных исторических событий. Так, младоакмеист Г.В. Иванов включает в заглавие стихотворения, посвящённого 100-летию Бородинской битвы, точную дату юбилея по старому стилю - «26 августа 1912 г.»: «Празднуем в этот день славную мы годовщину. / Вновь Бородинских знамён шелест волнует сердца. / Видит растроганный взор воинств грозные массы, / Слышит ухо пальбу, звонкие клики побед» [5, с. 14]. Поэт-младоакмеист обращается к теме национальной истории и славы, причём их символом становится не только знаковое событие Отечественной войны 1812 года, но и первые поэтические опыты лицезрения А.С. Пушкина: «Юный Пушкин в те дни, миру ещё неведом, / Первые ласки муз в Царском Селе узнавал» [5, с. 15]. Риторические приёмы последней строфы усиливают веру и надежду лирического героя на культурный подъём XX века: «Верит сердце

моё в грядущую славу отчизны! / Знаю, - последний герой не скоро умрёт на Руси. / Но, ответа страшась, судьбу спросить не смею, / Пушкину равный поэт будет у нас когда» [5, с. 15].

Использование мифологеми «август» в лирическом освоении конкретных исторических событий имманентно художественному миру А.А. Ахматовой. Впервые мифологема предстаёт в анафоре «тот август», подчёркивающей тему Первой мировой войны (1915): «Тот август, как жёлтое пламя, / Пробившееся сквозь дым, / Тот август поднялся над нами, / Как огненный серафим». Сакральный символ позволяет расценить войну в православных традициях — как испытание свыше и наказание за грехи. Жёлтый и огненный колорит связаны не только с августовскими предосенними красками, но и с батальными картинами, ведь Россия вступает в Первую мировую войну в августе 1914 года: «Что случилось с нашей столицей? / Кто солнце на землю низвёл? / Казался летящей птицей / На штандарте чёрный орёл». Детали военного времени — сравнение столицы с «диким лагерем» вместо традиционного «города пышных смотров», «сверканье пик и штыков», контраст цветения лип Летнего сада и грома серых пушек. Своеобразие ахматовского историзма — это лирическое переживание истории, сопряжение событий мирового или национального масштаба с фактами личной жизни — возвращением А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилёва из Слепнёва в столицу в начале августа: «И в город печали и гнева / Из тихой Корельской земли / Мы двое — воин и дева - / Студёным утром вошли» [6, т. I, с. 248]. Именно в августе Н.С. Гумилёв будет зачислен в Гвардейский кавалерийский полк: «И брат мне сказал: «Настали / Для меня великие дни. / Теперь ты наши печали / И радость одна храни». А.А. Ахматова часто называет Н.С. Гумилёва в поэзии братом. Предназначение лирической героини сопрягает интимно-личное ожидание мужа-воина с общенациональной женской судьбой: «Как будто ключи оставил / Хозяйке усадьбы своей, / А ветер восточный славил / Ковыли приволжских степей» [6, т. I, с. 249].

«Тот август, как жёлтое пламя...» (1915) становится продуктивным текстом для постижения А.А. Ахматовой мифопоэтической семантики августа. Начиная с данного стихотворения, мифологема последнего летнего месяца наполняется смысловыми пластами трагедий и утрат, личных, национальных и мировых. Август сопрягается с Первой мировой войной (1914-1918), участием Н.С. Гумилёва в боевых действиях, разводом с ним в 1918 году: «Бедный мой разводик! (Начало августа 1918 г.)», — пишет А.А. Ахматова в биографической прозе «Pro domo sua» [6, т. V, с. 197]. И добавляет: «Август — развод (повестка) (начало)» [6, т. V, с. 228]. Август 1921 года отмечен двумя знаковыми смертями Серебряного века — А.А. Блока и Н.С. Гумилёва: «...7 августа только начинает жить в русском календаре. По смертному существованию Блока, новая судьба, Vita Nuova, переживает свой младенческий возраст» [2, т. II, с. 87]. А 25.08.1921 — «предполагаемый день казни Н.С. Гумилёва» [6, т. V, с. 635].

Календарная мифологема включается А.А. Ахматовой в заглавие стихотворения «Август 1940» [6,

т. I, с. 481]: «Когда погребают эпоху, / Надгробный псалом не звучит, / Крапиве, чертополоху / Украсить её предстоит». Гибель эпохи воссоздается с помощью антиэстетического сравнения: «А после она выплывает, / Как труп на весенней реке». Детальми разрушенного мироздания становятся «лихая» работа могильщиков, забвение и разрушение кровных связей: «Но матери сын не узнает, / И внук отвернется в тоске». Эти детали, во-первых, соответствуют акмеистической поэтике смерти и, во-вторых, задают интертекстуальные связи с трагическим миром шекспировского «Гамлета». Стихотворение «Август 1940» включается в единый цикл 1940-го года («Лондонцам»): «Двадцать четвертую драму Шекспира / Пишет время бесстрашной рукой...» [6, т. I, с. 484]. Как видим, для выражения трагедии XX века поэтесса использует шекспировский интертекст. В стихотворении «Август 1940» мифологема месяца не упоминается, но поэтесса передает атмосферу пограничного состояния погибающей эпохи: «И тихо, так, Господи, тихо, / Что слышно, как время идет». Такое гибельное затишье присуще мифопоэтической семантике августа с его переходным состоянием. Онтологический календарь сопрягается с космическим пространством и универсальным ощущением страха: «И клонятся головы ниже, / Как маятник, ходит луна». Париж захвачен 14.06.1940, а время создания стихотворения – август 1940. Мифологема «август» усиливает тему гибели европейской культуры и мирового горя: «Так вот – над погибшим Парижем / Такая стоит тишина».

Стихотворение А.А. Ахматовой «Сон» (14.08.1956) включает мифопоэтику августа в онейрическую сферу [6, т. II, кн. 1, с. 177]: «Был вещим этот сон или не вещим... / Марс воссиял среди небесных звезд, / Он алым стал, искрящимся, зловещим, - / А мне в ту ночь приснился твой приезд». Онейрический хроно-топ вмещает космическое, культурное и календарно-земледельческое пространство: «Он был во всем... И в баховской Чакоме, / И в розах, что напрасно расцвели, / И в деревенском колокольном звоне / Над чернотой распаханной земли. // И в осени, что подошла вплотную / И вдруг, раздумав, спряталась опять». А.А. Ахматова снова актуализирует мифопоэтическую семантику августа как предосеннего месяца скорбей и утрат: «О август мой, как мог ты весть такую / Мне в годовщину страшную отдать!» К исторической скорби, мотивированной известием о Первой мировой войне, оккупации Парижа (1940), добавляется скорбь личная, обусловленная первым разводом, смертью А.А. Блока, арестом и расстрелом Н.С. Гумилёва. «Годовщина страшная» - 10-летняя годовщина постановления оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14.08.1946 г. Личный мотив скорби усиливается не-встречей с И. Берлином в 1956-м году. Но не-встреча, утраты и скорбь порождают горькое вдохновение: «Чем отплачу за царственный подарок? / Куда идти и с кем торжествовать? / И вот пишу, как прежде без помарок, / Мои стихи в сожжённую тетрадь».

Через год, 27.08.1956 г., август становится самостоятельным лирическим объектом одноименного стихотворения [6, т. II, кн. 1, с. 198]. А.А. Ахматова раскрывает семантическую поливалентность кален-

дарной мифологемы: «Он и праведный, и лукавый, / И всех месяцев он страшней: / В каждом августе, Боже правый, / Столько праздников и смертей». Образы праздников усиливают сакрально-астрономическую символику. На август приходятся церковные праздники св. Серафима Саровского, пророка Ильи, Марии Магдалины, св. Пантелеймона, иконы Смоленской Божьей Матери, Преображения Господня, Успенский пост, Второй (Яблочный) Спас: «Разрешенье вина и еля... / Спас, Успение... Звёздный свод!.. / Вниз уводит, как та аллея, / Где остаток зари алеет, / В беспредельный туман и лёд / Вверх, как лестница, он ведёт». Мотив льда и Заполярья как места заключения обусловлен биографической причиной – в августе 1939 г. А.А. Ахматова получает известие о ссылке Л.Н. Гумилёва на Север. Поэтому август: «Притворялся лесом волшебным, / Но своих он лишился чар. / Был надежды «напитком целебным» / В тишине заполярных нар...» Стихотворение «Август» написано на смерть Б.В. Томашевского, утонувшего 24.08.1956 г. Об этом свидетельствует мотив нового горя и образ Чёрного моря: «А теперь! Ты, новое горе, / Душишь грудь мою, как удав... / И грохочет Чёрное море, / Изголовье моё разыскав». Так усиливается ахматовская оценка августа как месяца страшного и трагического.

В незаконченной миниатюре 1958-го года сохраняется та же семантика трагедий и потерь через отрицание мифологемы, противопоставление её июню в бинарной оппозиции «начало//конец» лета: «... накануне / Я приду к тебе в том июне, / Когда августу не бывать» [6, т. II, кн. 1, с. 230]. Завершается лирическое освоение августа в лирике А.А. Ахматовой и поэзии акмеистов отрывком 1962 года «Ещё об этом лете» [6, т. II, кн. 2, с. 139]: «И требовала, чтоб кусты / Участвовали в бреде, / Всех я любила, кто не ты / И кто ко мне не едет...» Август предстаёт в анахронизме весенней символики цветения, демонстрируя единство жизни и смерти: «И в августе зацвёл жасмин, / И в сентябре - шиповник, / И ты приснился мне - один / Всех бед моих виновник».

Тема предсмертного прощания организует последнюю книгу Г.В. Иванова «Посмертный дневник» (1958): «Теперь бы чуточку беспечности, / Взглянуть на Павловск из окна. / А рассуждения о вечности... / Да и кому она нужна?» [7, с. 293]. Память об утраченной России, умирание, прощание и прощение сопрягаются с августом и как с конкретной датой создания XXX-го стихотворения «Посмертного дневника», и как с календарным отрезком времени с мифопоэтической семантикой переходного периода, границы жизни и смерти. Августовская мифологема, т.о., акцентирует стоическое принятие конца жизни: «Не избежать мне неизбежности, / Но в блеске августовского дня / Мне хочется немного нежности / От ненавидящих меня» [7, с. 294].

Итак, мифологема «август» репрезентируется в лирике старших акмеистов А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилёва, О.Э. Мандельштама и младоакмеиста Г.В. Иванова. Последний месяц осени осваивается ими с 1912 года. Первым примером становится текст Г.В. Иванова, на дату создания которого указывает заглавие - «26 августа 1912 г.». Второй пример – это

воспроизведённое по памяти В.А. Неведомской [4, с. 83] стихотворение Н.С. Гумилёва «Грустно мне, что август мокрый...» (осень 1912). Следующий этап – произведения О.Э. Мандельштама «С весёлым ржанием пасутся табуны...» и «Тот август, как жёлтое пламя...» А.А. Ахматовой, датированные 1915 годом. Последний раз О.Э. Мандельштам обращается к символике августа в 1932-м году («Спит безмятежно / Юлий Вермель»). А.А. Ахматова использует данный концепт через 8 лет в заглавии «Август 1940». Она возвращается к мифологическому образу месяца в стихотворении «Сон» (1956). Через год август становится лирическим объектом одноименного стихотворения («Август», 1957). Ещё через год он появляется как временной знак в незаконченной миниатюре «...накануне» и в ХХХ тексте «Посмертного дневника» Г.В. Иванова «Теперь бы чуточку беспечности...» (1958). Завершается акмеистическая репрезентация месяца в ахматовском отрывке «Ещё об этом лете» (1962).

Мифопоэтическая семантика августа опирается у акмеистов на символику переходного периода, межсезонья; она включается в онтологическую модель круговорота бытия, гармоничную или трагичную в зависимости от творческого мира поэта или времени создания стихотворения. В лирике А.А. Ахматовой август становится знаком беды, месяцем горя и утрат – личных и всемирных. Мифологема августа раскрывает акмеистический панхронизм и способствует углублённому постижению данной художественной системы. Акмеизм, по мнению О.Э. Мандельштама, «...хотел быть лишь "совестью" поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия» [2, т. III, с. 383]. Август же в контексте онтологического круговорота времени раскрывает идею стоицизма и сохранения акмеистами культурной памяти как неизменной ценностной основы: «Не презирайте современных поэтов. – Призывает О.Э. Мандельштам. – На них благословение прошлого» [2, т. III, с. 383].

Литература:

1. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. А-К. – 671 с. Т. 2. К-Я. – 719 с.
2. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009-2011. – Т.1. Стихотворения, 2009. – 808 с. – Т.2. Проза, 2010. – 760 с. – Т.3. Проза. Письма, 2011. – 944 с.
3. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения. Поэмы (1910-1913). М.: Воскресение, 1998. – 344 с.
4. Жизнь Николая Гумилёва: Воспоминания современников. Л.: Международный фонд истории науки, 1991. – 332 с.
5. Гиперборей. Ежемесячник стихов и критики. № 2. Ноябрь 1912. – 30 с.
6. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998-2002. - Т.1. Стихотворения. 1904-1941. 1998.- 968 с. - Т.2. В 2 кн. Кн. 1. Стихотворения. 1941-1959. 1999.- 640 с. - Т.2. В 2 кн. Кн. 2. Стихотворения. 1959-1966. 1999.- 528 с. – Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью. 2001. – 800 с.
7. Иванов Г.В. Собрание стихотворений. Würzburg: Jal-verlag, 1975. - 367 с.